

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“НUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor
Miguel Kireeff.

Monroe 4329

1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sabado 23 de abril de 1983

Буэнос Айрес, суббота 23 апреля 1983

N° 1709

МЫСЛИ ВСЛУХ

ИВАН НИКИТИН

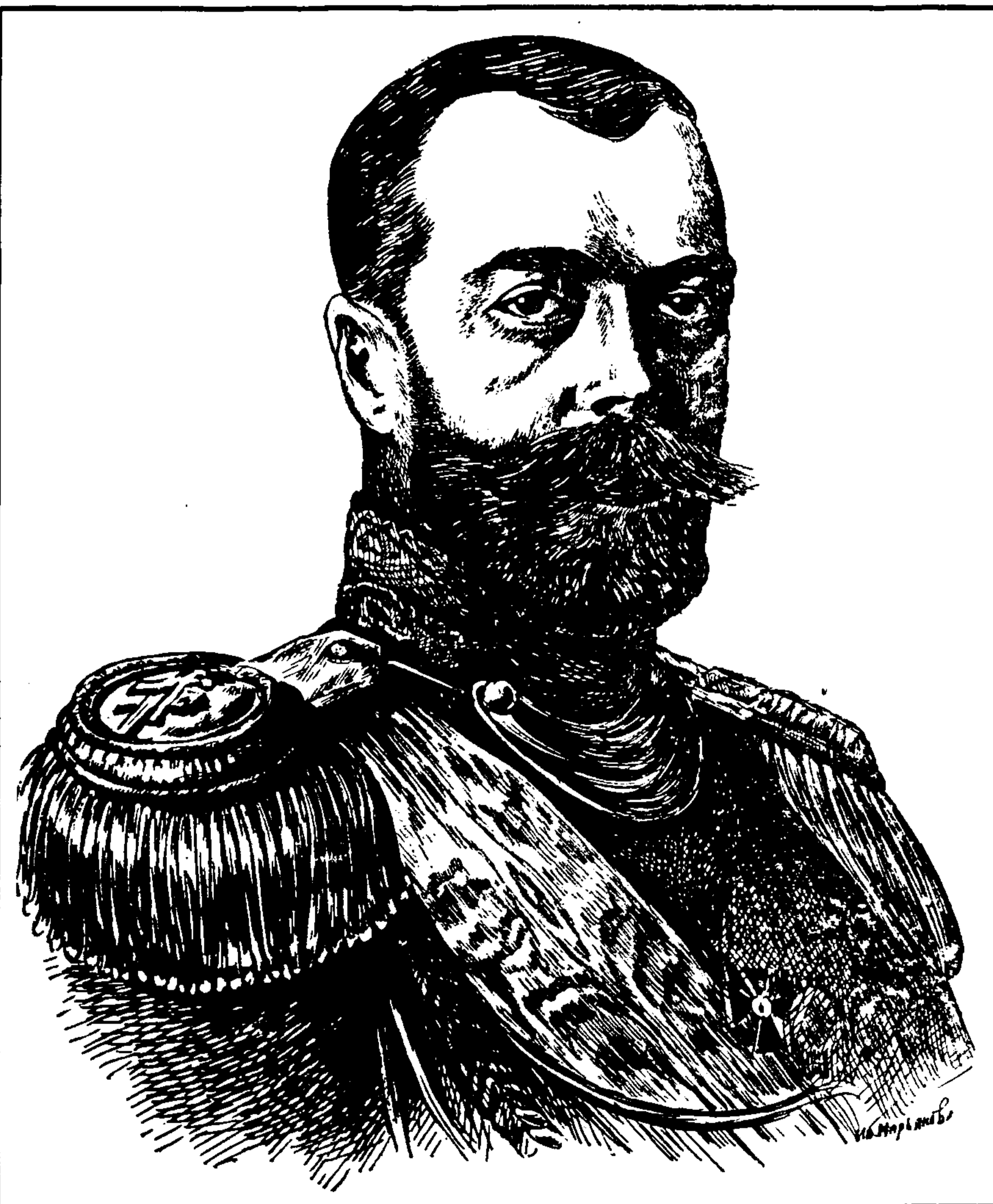
ОПЯТЬ КЛЕВЕТА

Для всех истинных русских патриотов, 1981 год останется годом прославления Царя Мученика Николая Второго в сонме Новомучеников Российских. Это долгожданное событие оказалось столь громким, что даже советской прессе пришлось о нем отозваться. Конечно, советские газеты выразились злобно издевательским тоном.

В связи с этим событием — и несмотря на то, что советские

ставят безвинной жертвой...”

Надо сказать, что все 250 страниц книги пропитаны такой же злобой и ложью. Я не буду ее разбирать по кусочкам — это ни к чему. Граф А. Соллогуб правильно написал по этому поводу: “Враги престола и Царя были всегда, есть они и сейчас и будут всегда. Нам ли, верным сынам России, о них говорить и с ними считаться... (“Зарубежная Русь” № 6-7 за 1981 г.) Каждому русскому

историки и журналисты предпочитали до сих пор замалчивать позорную страницу убийства Царской Семьи — у наследников палачей хватило на этот раз наглости, чтобы переиздать книгу, посвященную жизни Царя Мученика: М. К. Касвинов: “Двадцать три ступени вниз” (Издательство “Мысль”. Москва 1982. Тираж: 75.000 экземпляров). Вот какими словами эта книга представлена:

“... Народ вынес свой справедливый приговор Николаю 2-му. Книга Касвинова повествует о жизни и деяниях царя... о бесславном конце Николая Кровавого, которого буржуазные фальсификаторы истории старались и стараются пред-

человеку хорошо известно, что советские историки могут только лгать о русской истории. Однако не вредно привести несколько отрывков из последних — самых характерных — страниц:

“Один за другим выходят в коридор семь членов семьи Романовых (можно отметить, что имена не называются. Даже советскому историку стыдно вспоминать о том, что “герои-революционеры” смогли убить хладнокровно 14-ти летнего, большого мальчика, и безвинных дочерей Царя!?)... Когда все прошли в эту комнату, Юровский выступает вперед, вынимает из нагрудного кармана гимнастерки вчетверо сложенный лист бумаги, развернув его,

объявляет: “Внимание! Оглашается решение Уральского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов”. И сразу после того, как были произнесены последние слова приговора, загремели выстрелы.

В час ночи 17 июля все было кончено...”

“К 3-м часам утра... тела казненных были вынесены во двор и уложены в кузов грузовика... Среди заброшенных шахт трупы сложили попеременно с сухими бревнами, в штабе, облили керосином и подожгли. Когда костер догорел, останки зарыли в бостер”. (Удивительно, с какой скоростью автор описывает убийство: ни слова о детях, ни слова о том, как трупы резали на куски!)

“Недруги нашей страны говорят о екатеринбургском финале: — Подобное возможно только в России... Это могли сделать только большевики. Нужно ли напоминать о судьбе Людовика 16-го во Франции?” (Нужно ли напомнить Касвинову, что Людовика 16-го казнили в 18-ом а не в 20-ом веке, что французские революционеры не старались скрывать его казнь от народа, и что все-таки детей короля не посмели повести на гильотину?)

“Не стоит преуменьшать: страшен был конец Романовых. Но, как было однажды замечено, ужас их смерти бледнеет перед ужасом их жизни... Приговор Романовым вынес Уральский Совет... и стояла за ним огромная масса трудового населения не только Урала но и всей великой России”. (Советчики любят вспоминать о России, когда их это устраивает. Но в таком случае, почему же они так постыдились скрыть Россию — по словам поэтессы Т. А. Смирновой-Макшеевой — под сатанинской печатью четырех букв СССР?! Да и еще один вопрос: если Юровский так правильно поступил и сделал столь хорошее дело, то почему же до сих пор советское правительство не посмело принять решение поставить ему памятник, и сделать из него Героя Советского Союза?)

“Верно, что корни враждебного отношения народных масс к бывшему императору лежали далеко, что им ненавистен был царизм”. (Можно подумать, что боролись против коммунизма и за Россию, и были вынуждены покинуть ее, одни только “капиталисты”! Так же как и сегодня, можно подумать, что сидят в гулагах только те, кто не смогли эмигрировать после революции!)

“В царствование последнего Романова, писал Горький, погублено русского народа больше, чем “во всех войнах 19-го века. Он превзошел знаменитого до него Абдул-Гамида и кровавую славу его затмил... Жестокий и равнодушный ко всему, кроме себя самого и своей жизни, да будет она всегда печальной, насыщенной страхом смерти

И. А.

Г. Л. ЛУКИН

О воспитании молодежи

3.

Учебные заведения.

В России, до революции, были: начальные, средние и высшие учебные заведения. Для того, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, нужно их было окончить; все по очереди, или хотя часть из них.

Можно их было хвалить или ругать, но их посещение было обязательным для тех, кто хотел получить свидетельство или диплом, дающие соответствующие права. Другими словами, интересно или не интересно ученику заниматься, никого не волновало слишком сильно.

В эмиграции, до Второй мировой войны, во всех больших скоплениях русских, были русские учебные заведения и даже кадетские корпуса и институты, имеющие права местных школ и гимназий.

Русская эмигрантская молодежь, проходя эти школы, где изучались и местные национальные предметы, получала дипломы, которые ей открывали двери к дальнейшему учению, или прямо к заработку. И в этом случае тоже, особенного волнения, интересно ли ученику заниматься или нет — не было.

Эти школы, своим русским духом, обычаями, традициями и средой соединили воедино учеников и педагогов и оставили неизгладимое впечатление на всю жизнь и созданных ими новых русских людей.

Этот дух, этот микроклимат, этот кусочек России был дорог каждому ученику и он в него стремился, понимая для чего он учит язык, историю, географию и родиноведение. А также он видел применение приобретенных знаний.

Вторая мировая война, в корне переменяла жизнь русской эмиграции. Исчезли русские гимназии, корпуса и институты, то есть та ступень, которая формирует человека, давая

ему не только знания, мировоззрение и дух, но и диплом со всеми правами.

На смену всему этому, пришли местные учебные заведения. Новые условия жизни, особенно в Северной и Южной Америке, обрекли на неуспех, несколько отдельных попыток создать русские учебные заведения, с правами местных школ.

Обучение русской молодежи Законом Божьему, русскому языку, истории, географии и вообще родиноведению, пало на еженедельные школы. Еженедельные же школы, до некоторой степени помогают детям, но почти что не касаются отроческого возраста и совсем не трогают юношеского, самого важного для конечного формирования человека.

Однако самая главная перемена в отношении школ, какие бы они не были, состоит в том, что исчезла их утилитарность, их диплом никому не нужен, так как не дает никаких прав. На смену обязательства, пришла добровольность посещения школ.

Это положение в корне меняет весь подход к обучению и к ученику.

К сожалению, это обстоятельство, почти никем из современных эмигрантских воспитателей не учитывается.

Вот и получается так, что пока дети маленькие, то их сознательные родители приводят в школу, но как только они начинают приобретать "право голоса" в семье, они стремятся, под каким хотите предлогом ускользнуть от этой лишней нагрузки. Они предпочитают, в то время когда идут занятия в русской школе, заниматься спортом и играми с местными товарищами, смотреть телевидение или даже просто ничего не делать.

Русская школа перестала быть потребностью в эмиграции, каковою она была раньше! Что же делать? Тащить детей насильно в школу, переживая еженедельно семейные бата-

и мучений свести"... (Почти во всех советских книгах цитируют Горького. Правда, когда он отдыхал на острове Капри у него хватало времени и средств, чтобы писать на любую антирусскую тему. И как не стыдно было ему писать о "совести", когда он всю жизнь спокойно закрывал глаза на все коммунистические преступления?)

"Но на самом высоком уровне ненависти находятся, конечно, цитаты Ленина: "События, отмечал Владимир Ильич, раскрыли перед миром всю "гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки". "все зверство семьи Романовых этих погромщиков, заливших Россию кровью..." Ради сохранения своей власти, привилегий, миллионов десятин земли и прочей "священной собственности" эти первые среди русских помещиков всегда готовы были и шли "на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан..."

Прочитав книгу Косвинова неизбежно приходишь к выводу, что Большевиизм породил исключительно ненависть, самую острую и кровавую. И лишний раз это доказывает, что "русская революция означает

конец исторической России, ее культуры, веками установленных традиций, ее духовного облика... Русская революция убивает Россию, ее народ приносит в жертву не русским, а чуждым ей интернациональным интересам". (С. Крыжницкий "Бунин и окаянные дни" — "НРС" от 10.10.82).

Я знаю, что эта книга не представляет никакой опасности для читателей "Нашей Страны", но роль каждого из нас следить, чтобы она не повлияла бы на неосведомленных окружающих нас русских. В свое время, советская пропаганда — да и значительная часть эмиграции — сделали все возможное, чтобы представить последнего русского Государя, как слабохарактерную и незначительную личность. Сегодня те же силы пытаются ослабить значение прославления Новомучеников Российских, и для этого продолжают пускать свой яд.

Вот почему каждый из нас должен внимательно следить за малейшим посягательством на русскую историческую правду, и быть готовым дать врагам неопровержимую реплику!

ИВАН НИКИТИН

лии, из-за домашних уроков и поездок в школу? Наказывать детей, за то что они не учатся родному языку? Делать выговоры за незнание родиноведения.

Если действовать так, то разве можно ожидать, что у детей появится любовь ко всему русскому?

Нет господа! Учитывая наше теперешнее положение, нужно найти новые пути которые приведут детей и молодежь в школу.

* Русская школа в эмиграции, существующая в данный момент, должна отбросить старые трафареты, перестроиться, поставить себе иные, более близкие цели и привлечь к себе молодежь и детей.

* Она должна расширить свое поле деятельности и перестать давать только знания.

* Она должна воспитывать детей и молодежь и через них влиять на их родителей.

* Важнее всего в эмиграции — создание русского настроения, русского микроклимата в котором все легче воспринимается, чем при одних сухих занятиях.

* Русский мальчик, или девочка, который "загорится", благодаря этому настроению и микроклимату, не только будет хва-

тать все на лету, но самостоятельно будет углублять свои знания так как к этому у него будет личный интерес. Повторяю, знать наизусть русскую историю или литературу может и иностранец, но от этого он русским не станет. На сегодняшний день, нам нужно создавать русских — в первую очередь — и давать им знания во вторую очередь, либо параллельно.

Педагог в эмиграции, должен разглядеть русскую искорку в сердце каждого ребенка и суметь разжечь ее в пламя; он не смеет, подчиняясь рутине из-за школьных правил и условий, погасить ее.

Школа должна быть интересна, привлекательна. Ученики должны в нее стремиться, ее любить и чувствовать себя несчастными, когда они в нее не могут попасть, по какому-либо поводу.

Задача педагога стала труднее и ответственнее. Нужно проявлять изобретательность и фантазию, чтобы вести по новому работу. Программа школы, чтобы быть по настоящему эффективной, должна применяться к нынешним условиям жизни русской эмиграции.

Г. Л. ЛУКИН

очередной этап борьбы за наследие

24 марта министр иностранных дел СССР Андрей Громыко был назначен одновременно первым заместителем председателя совета министров. Представляется, что это — наиболее важное назначение с начала эры Андропова. Вероятно, Громыко имеет все шансы попасть на вакантный пост президента страны.

С другой стороны парижская "Русская Мысль" (по поводу ответа Андропова Рейгану) пишет: "Создается впечатление, что Андропов обращался не только к Западу, но и к своей оппозиции в ЦК и Политбюро" ("Р. М." от 31. 3. 83).

"Народная Монархия" имеет в виду *идейное вооружение* русской монархической элиты, самым мощным оружием, какое этой элите предоставила вся русская история. Это оружие нужно изучить. Нужно научиться им пользоваться.

Нужно уметь обороняться и нужно уметь нападать.

И обороняясь и нападая, нужно, по мере возможности, ясно знать — чем идея русской народной монархии отличается и от идеи русской *сословной* монархии и от социалистов и от солидаризма.

Какие доводы имеются в распоряжении противника. Какие доводы являются фальшивками и какие неоспоримы.

И как следует справиться с теми и с другими.

"Народная Монархия" — предназначается для того же, для чего в свое время предназначался "Капитал" Карла Маркса.

"Народная Монархия" — *схема*.

Ее нужно разрабатывать дальше. Ее нужно *пропагандировать*. Слово стало нашим оружием.

Научитесь им пользоваться. Это зависит от нас. Это зависит от вас.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

На складе Издательства "Наша Страна" находится в продаже капитальный труд

Ивана Солоневича Народная Монархия

ВСЕ ПЯТЬ ЧАСТЕЙ В ОДНОМ ТОМЕ
Заказы направлять:

Miguel Kireeff, Monroe 4329, 1430 Buenos Aires, Argentina

Цена в Аргентине — 400.000 новых песо
в США и других странах — 10 американских долларов

Последние дни жизни Ивана Лукьяновича

В 1953 году почта из Монтевидео, находящегося в получасе полета аэроплана, шла до Буэнос Айреса не менее 12 - 14 дней, а зачастую и 18 - 20. К 20 апреля в распоряжении В. К. Дубровского имелось только письмо, написанное Иваном Лукьяновичем 1 апреля и телеграмма — отправленная им в результате настойчивых просьб сообщить о его состоянии, просьб и в письмах (письма туда шли нормально — один-два дня) и в нескольких телеграммах — в которой говорилось о том, что он чувствует себя лучше. Не имея никаких сведений в течении недели, Всеволод Константинович снова послал телеграмму с просьбой ответить срочно о его здоровье — ответа не получил. Тогда он обратился к представителю "Нашей Страны" в Уругвае — мужу той женщины-врача, о которой писал И. Л. в своей статье "Осложнения" (№ 168) и от него получил ответную телеграмму, в которой было сказано, что И. Солоневич с 14-го находится в хорошем госпитале и что около 25-го будет операция. Это же стало известно и из приписки И. Л. к той статье, которая была помещена в № 172 "Нашей Страны", написанной в госпитале 20-го апреля. 25-ое — суббота и 26-ое — воскресенье. Оба эти дня — с 12 часов субботы до 14 часов понедельника почта не работала и до почтового ящика "Нашей Страны" добраться было нельзя. В понедельник утром Всеволод Константинович, обеспокоенный тем, что ничего об исходе операции ему не сообщено (И. Л. знал его домашний адрес и он ждал телеграмму домой), отправил телеграмму опять тому же мужу докторши, указав и ему свой частный адрес... и от него и получил ответ о роковом исходе. А через два часа после этого — в почтовом ящике Татьяна Владимировна обнаружила телеграмму, пролежавшую там спокойно двое суток... Дела это, конечно, не изменило, но осадок остался неприятный.

О том, что у И. Л. Солоневича рак — не знал ни он сам, ни его жена. В течение последнего года он много раз обращался к врачам и всегда потом сердился, что никто ничего не может толком определить: то язва, то не язва, а неизвестно что. Теперь можно предположить, что врачи скрывали от него истинную болезнь, но можно ли было это скрывать? Если бы за дело не взялась так энергично та докторша, о которой писал Иван Лукьянович он продолжал бы лечиться теми инъекциями, которые ему давали, вероятно, только для понижения боли и... умер бы не более, чем через два-три месяца. После помещения его в госпиталь — частный и хороший — он подвергся целому ряду исследований, которые дали врачам полную картину его положения. Однако, ему самому ничего сказано не было. Его успокаивали, что после операции он быстро оправится и будет вполне здоровым человеком. Думается, что кроме благодарности за это врачи ничего иного и не заслуживают. По крайней мере, его последние дни не были омрачены сознанием, что смерть почти неизбежна при любом исходе операции... Он ждал два дня операции вполне спокойно. Лишь вечером, накануне самой операции, доктор сказал его жене о том, что предстоящая операция будет очень серь-

езной, так как нет никаких сомнений в том, что налицо рак желудка в очень запущенном состоянии. "Дядя Ваня" же так и не знал об этом и не догадывался, видимо, что та "какая-то опухоль" в желудке, о которой, кажется, он все-таки знал — и есть рак.

Операцию делали два хирурга. Причем один из них, после вскрытия желудка, считал, что не имеет смысла что либо делать настолько безнадежной была та картина, которую они увидели. Второй, однако, настаивал на том, что необходимо сделать все возможное. Операцию сделали. Продолжалась она в течении трех часов. Ивану Лукьяновичу вырезали две трети желудка, часть панкреатической железы и кусок двенадцатиперстной кишки, на которой были обнаружены две

Иван Лукьянович Солоневич

14. 11. 1891 — 24. 4. 1953

язвы. После операции он пришел в себя и чувствовал себя, как будто хорошо, во всяком случае разговаривал. Через час, кажется, ему сделали переливание крови (перед операцией было сделано восемь переливаний по 300 гр.), которое и стало причиной его смерти, так как то ли во время переливания, то ли сейчас же после него, случился сердечный удар и И. Л. Солоневич в момент скончался — сердце остановилось. Случилось это ровно 30 лет назад — 24-го апреля.

Похоронили его на английском кладбище в Монтевидео, где участок земли для могилы приобретен на 99 лет. Вдова И. Л. очень хотела соорудить на могиле плиту, чтобы предохранить ее от разрушения — в надежде, что когданибудь, может быть, удастся тело перевезти в Россию... В. К. Дубровский эту мысль поддержал — во всяком случае, надо было сделать так, чтобы могила не затерялась и не исчезла через несколько лет...

Вот и вся грустная история о том, как это произошло.

На Всеволода Константиновича

ЛЕВ РУБАНОВ

Памяти И. Л. Солоневича

К 30-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Ивана Лукьяновича Солоневича я знаю с 1904 - 1905 года. Мы оба были во втором-третьем классе Гродненской гимназии. Наши семьи были знакомы.

По улицам города ходили демонстрации и мы с Ваней охотно присоединялись к толпе и я до сих пор помню революционные песни, которые пели во время демонстраций.

При гимназии существовал тогда родительский комитет, в который вошли моя мать и отец Вани, Лукьян Михайлович. Моя мать, помню, очень возмущалась, когда Лукьян Михайлович сказал ей, что хочет забрать Ваню из гимназии, чтобы он не набрался тлетворного революционного духа. Мать моя отговаривала его от этого, говоря, что с четырехклас-

сным образованием Ваня может быть только околоточным надзирателем. Но все же отец забрал Ваню из гимназии и экзамен на аттестат зрелости он держал потом.

Ваня и я были большими друзьями, вместе удирали с уроков, ходили в лес, купаться, на разные экскурсии.

Вскоре семья Солоневичей переехала в Вильно. Но я все это время переписывался с Ваней, не рвал связи. С шестого класса я перевелся в Сувальскую гимназию.

Однако, окончив гимназию в 1912 году, я вернулся в Гродно к родителям. В это лето Лукьян Михайлович издавал в Гродно газету "Северо-Западная Жизнь", где Ваня исполнял обязанности секретаря редакции. Редакция помещалась на втором этаже в доме Библина на углу Садовой и Телеграфной улиц. Мне же Лукьян Михайлович предложил быть театральным рецензентом, что очень мне импонировало, так как я имел постоянное место во втором ряду в гродненском театре. Быстро минуло это лето, в которое я впервые одел фуражку с синим околышем. После этого лета я уехал в Петербург. А Лукьян Михайлович со своей газетой перебрался в Минск, где Ваня женился на Тамаре Владимировне Шмаковой.

Ваня, сдав экзамен на аттестат зрелости, также поступил в Петербургский университет и мне, холостяку, было приятно посещать семейный дом Вани. Ваня жил на Жуковской улице как раз против Эртелева переулка, где он служил тогда в газете "Новое Время". Здесь я впервые познакомился с женой Вани и впервые увидел его сына Юру, который тогда еще был сосуном.

Началась война, которая спутала все события. Весной 1916 г., по сдаче экзаменов, я поступил на военную службу. Отречение Государя застало меня в минском лазарете. Комиссия меня освободила и я вернулся в Петроград. Оттуда я попал в Архангельск, а затем в Крым. Здесь после ряда событий и перемен, я служил в государственном банке. Хотя и с перерывами, но переписывался с Ваней. В конце 20-ых — начале 30-ых годов я попал в Харьков, где записался на экстернат Харьковского Инженерно-Экономического Института. В это время получил от Вани письмо: "Меняю место жительства. Когда буду иметь новый адрес — напишу". Это, как потом оказалось, было как раз перед его попыткой бежать из СССР, которая кончилась Соловками. Но я ничего не знал. Переписка прервалась. Переселившись в Одессу, я только после занятия Одессы румынами узнал о Ване, о том, что он находится в Германии, не поладил с национал-социалистической властью и живет как бы в изгнании где то в германском захолустье, не принимая участия в политике. Переписка возобновилась. Уже тогда я, будучи на положении Ду-Пи в лагере Шлейсгайм, посетил Ваню жившего в лесу на лесопилке в Анпельбеке близ Гамбурга. Тут во время моего десятидневного визита к Ване, у жены ваниного сына — Инги родилось дитя (сейчас ему 36 лет!). Потом Ваня приехал в Шлейсгайм, ко мне — тоже не надолго.

Из этого лагеря я с семьей запи-

и Татьяну Владимировну эта смерть произвела ошеломляющее впечатление. Они никак не допускали такого конца и также не подозревали возможности рака. Одна очень существенная деталь, однако, облегчала до некоторой степени их грусть: после операции, по словам врачей, Иван Лукьянович мог бы прожить еще все равно не более двух-трех месяцев, совершенно больным и в постоянных мучениях. Господь избавил его от этого.

Они также постарались найти утешение и в решении продолжать его дело. Они приложили все усилия, чтобы продолжить и развить Народно-Монархическое Движение, сохранить и донести до России идею народной монархии, которой была посвящена вся жизнь Ивана Солоневича. Слава Богу, они могли рассчитывать на помощь многих друзей, включая в их число и почти всех сотрудников газеты. Было трудно, но Бог помог.

Основанное Иваном Лукьяновичем дело — продолжает жить.

Вечная ему память!

15-летие Св. Сергиевской епархиальной школы

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

в воскресенье 19 июня 1983 г. в 21 час
ТАНЦЫ, ОРКЕСТР, ЛОТТЕРЕЯ, БУФЕТ

Фалучо 854

Вижа Бажестер

Заранее заказывать билеты с местом за столиком по телефонам

768-5075, 768-5476 и 766-0017

Родительский комитет Св. Сергиевской епархиальной школы

Языковые
Уродства

"НА ФЛОТЕ"

Получил я от одного новейшего эмигранта негодующее письмо за свою критику конструкции в адрес: она де узаконена в СССР и нельзя ее причислять к канцеляриту! Жаль, что автор не сообщает, кто, когда и как ее узаконил? Я же пока приведу на сей счет дополнительную справку, позаимствованную из нормативного советского словаря Ожегова, издание 1968 года. Указав правильную форму по адресу, сопроводить даю затем в адрес, со следующим примечанием: "Первоначально о грузовых отправлениях. Теперь иногда ошибочно употребляется вместо по адресу."

Значит, еще в 1968 г. данный мерзкий оборотец рассматривался грамотными людьми как недопустимый, и пользование им считалось ошибочным. Как он возник, и с каких пор, в применении к грузовым отправлениям, — любопытно бы установить. Но речь ведь не о подобном отдельном случае, а о манере в некоторых кругах заменять им повсюду законные формулы по адресу и на адрес.

Если даже в дальнейшем последовали распоряжения какой-то большевицкой инстанции (но какая же имела на то право?!), писать именно так, то неужели мы, слава Богу пока еще свободные люди, обязаны ей повиноваться? Неужто мы откинем правила, соблюдавшиеся Пушкиным, Толстым, Лермонтовым, Достоевским, Чеховым, писателями Серебряного Века, да и всеми писателями и журналистами как в эмиграции,

так и в подъяремной России вплоть до недавних дней, — и безропотно подчинимся воле и росчерку пера неведомого советского бюрократа?

Самый факт пристрастия к техническим выражениям, берущимся из технического языка узких специальных групп, и стремления принудительно вводить их в широкий всенародный обиход, является характерной чертой советского канцелярита. Возьмем один пример: старательное внедрение в литературную речь выражения на флоте, вместо во флоте, под предлогом, что так говорят в своей среде сами моряки. Но они-то вправе соблюдать в своем кругу наличные у них традиции (и писатель может их воспроизводить в своих сочинениях, передавая их нравы); а весь остальной народ, и интеллигенция в первую очередь, говорят, безусловно: "Он служил во флоте"; "В черноморском флоте существует обычай..." и т. п.

Аркадий Рахманов

ОПЕЧАТКА

В № 1707 "Нашей Страны" шестой абзац статьи О. Бартевева "Российское Зарубежье" следует читать так:

"Но намного хуже бывало тогда, когда взаимоотношения отдельных государств, в которых нашли приют наши многострадальные соотечественники, становились враждебными".

Новая цена на "Нашу Страну" в Аргентине

С № 1711, от 7 мая с. г., цена за один номер газеты в Аргентине будет равняться 20.000 песо. Цены в других валютах не меняются.

сая в Бразилию, а Ваня перекочевал в Аргентину, но увидеться с ним больше так и не удалось. И уже здесь в Бразилию я узнал о его смерти...

Как я писал выше, Лукьян Михайлович издавал в Гродно газету "Северо-Западная Жизнь". Но была в Гродно тогда и другая газета (размером значительно меньше) — "Наше Утро" — которую издавал студент П. Н. И. некто Мейлахосич, пользуясь тем, что отец его имел типографию. Буквы "П. Н. И." стоявшие на зеленом погончике обозначали: Психоневралогический Институт. Туда принимали без процентной нормы и он был полон евреями и неудачниками из русских. Помню случай: в "Нашем Утре" когда упоминалась "Северо-Западная Жизнь", то с опечаткой: было "Скверно-Западная Жизнь". Прочтя это Лукьян Михайлович взбеленился и в следующем номере его газеты появлялось: "Утро из наших" позволяя себе и т. д..

Мать Вани Юлия Антоновна разошлась с Лукьяном Михайловичем и жила отдельно на Жандармском переулке. О ее дальнейшей жизни ничего не знаю.

В 1922-28 гг. я жил в Симферополе. Живя в Симферополе отпущ

проводил в Ялте, где нашел Лукьяна Михайловича который, занимая на Набережной маленькое помещение (3 - 5 кв. м.) продавал кефир, который делал, видел сам, или его дочь. После разрыва с женой Л. М. обрел другую семью, о которой я узнал только в Ялте. У него там был сын лет 22 - 25 — председатель артели рыболовов (тоже занятый) и дочь лет 14 - 15. Было ли больше детей не знаю. Кефир у Л. М. пил часто. Когда я из Крыма переехал в Харьков и переписка с Ваней остановилась, я узнал, что Л. М. и всю семью, кроме дочери, "замели", дальнейшей судьбы не знаю.

Средний из трех братьев Солоневичей Всеволод — Дик — умер от тифа в Севастополе.

Сейчас переписываюсь и с Борисом и с Юрой, который живет в американском штате Вирджиния, имеет 135 гектаров земли, на которой строил домики и их сдает, занимаясь рекламой в газетах. Борис почти ослеп и издавать свою "Родину" перестал. Живет в старческом доме в Глен Кове около Нью Йорка. Юра не интересуется политикой.

ЛЕВ РУБАНОВ

НОВЫЙ АДРЕС И ТЕЛЕФОН
"НАШЕЙ СТРАНЫ"Miguel Kireeff, Monroe 4329
1430 Buenos Aires, Argentina
Tel. 51-2685

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИИздатель М. В. Киреев
Редактирует Редакционная
Коллегия

ВЕРА В. В. ОРЕХОВА

В связи с опубликованной в "Нашей Стране" заметкой озаглавленной "Часовой и Андропов" редакцией получено письмо следующего содержания:

"Со стыдом и крайним сожалением прочел в № 1700 "Н. С." под возмутительным вступлением: "... редакционная заметка, восхваляющая нового советского диктатора". Как вы могли напечатать такую вещь?! Задумались ли кому пошел на пользу такой выпад против всеми уважаемого старого капитана императорской армии В. В. Орехова?! Да и в чем заключается "восхваление"? Если бы вы проверили текст статьи Орехова, увидели бы, что выдержки подтасованы и опущена главная фраза: "Отнюдь не надеясь на какие-либо перемены в 65-летней советской системе..." Такие выпады против национальной прессы совершенно недопустимы. Нас так мало осталось русских националистов, что грызться между собой — на руку третьему!"

Дабы читатели "Нашей Страны" сами могли бы решить заключает ли заметка В. В. Орехова "восхваление" Андропова, или оное в ней отсутствует, ниже мы воспроизводим ее полностью.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС.

Перед сдачей журнала в печать, пришло известие о кончине Л. Брежнева и об избрании его заместителем Ю. Андропова. В следующем номере "Часовой" постарается коснуться этого вопроса. Пока же отметим, что уже давно было известно, что бывший глава КГБ являлся наиболее культурным и интеллигентным членом Политбюро и это он настоял на организации продовольственной реформы. Будучи в Будапеште сов. послом во время венгерского восстания 1957 года, подавленного советскими войсками, он способствовал привлечению к власти Кадара, который здоровыми реформами сумел не только успокоить возмущенную свою страну, но и сделать ее впоследствии каким то "оазисом" в среде коммунистических деспотий.

Отнюдь не надеясь на какие либо внутренние политические перемены в 65 летней советской системе, можно полагать, что Ю. Андропов постарается облегчить жуткие условия жизни нашего угнетенного народа.

К тексту этой заметки появившейся в № 640 "Часового" за ноябрь-декабрь 1982 года, напрашивается краткое послесловие.

Еще до Второй мировой войны, "Часовой" выдвинул утверждение, что в России существует тайная военная организация, относящаяся к коммунизму отрицательно и готовящая его замену другим, приемлемым строем.

После войны, это утверждение, в разное время и по разным поводам, было "Часовым" повторено неоднократно. С. Л. Войцеховский назвал это тягостной ошибкой. Резко отрицательно относился из-за этого к В. В. Орехову и основатель "Нашей Страны" И. Л. Солоневич.

Разумеется, мы также считаем это тягостной и прискорбной ошибкой. Этим мы желаем подчеркнуть, что верим — в данном случае — в искренность В. В. Орехова. Мы даже допускаем, что ему были даны, и за границей, и в России, веские доказательства существования и мощи той организации, о которой писал "Часовой".

Не нам упрекать В. В. Орехова в том, что он "доказательствам" поверил. Мы бесконечно уважаем, к примеру, членов той организации, которая с 1923 по 1930 году, наряду с беззаветным мужеством, проявила слепую доверчивость и поплатилась за нее и смертью многих героев и гибелью главы организации — А. П. Кутепова. Весьма было заманчиво поверить в наличие силы, способной изменить судьбу России, вернуть ей честь и свободу! Члены Кутеповской организации верили в то, что считали тайным Монархическим Объединением России... и что оказалось "Трестом", предательской советской "легендой".

Однако...

В 1955 году "Часовой" верил в существование военной организации в Москве.

В 1983-м году он верит, что сверх-чеккист Андропов "постарается облегчить жуткие условия жизни нашего угнетенного народа".

Наш политический опыт, наш долг свободных русских журналистов, наконец — наш здравый смысл, побуждают нас сказать во всеуслышание:

— Мы возражаем...